

ЧАСТЬ III.

Психика.

§ 1.

Природа и психика.

Та высшая форма приспособленія, которая называется психической системой, представляет много своеобразнаго, много особенностей, выделяющихъ ее среди всей области жизненныхъ процессовъ. Особенности эти настолько значительны, что для изученія психическихъ явленій не вполне достаточны и не вездѣ примѣнимы обычные біологическіе методы, что тамъ необходимы еще иные приемы изслѣдованія. А такъ какъ методы опредѣляютъ науку, то ученіе о психической системѣ по справедливости выделяютъ въ особую науку—психологію.

А. Къ процессамъ дѣятельности психической системы относится такъ называемое сознаніе. Что это такое, опредѣлять не приходится, такъ какъ въ предѣлахъ сознанія лежитъ и всякое опредѣленіе, и всякое вообще познаніе. Существенно то, что факты сознанія могутъ познаваться прямо, непосредственно, безъ необходимости вмѣшательства органовъ внѣшнихъ чувствъ. Этимъ и характеризуется свойственный спеціально психологіи методъ «самонаблюденія». При самонаблюденіи субъектъ познающій сливается съ объектомъ познаваемымъ, тогда какъ въ другихъ случаяхъ этого нѣтъ: «я» изучаю амёбу, и амёба—это не-я, нѣчто «внѣшнее» для меня.

Такъ какъ методъ самонаблюденія примѣнимъ только къ явленіямъ сознанія, то именно факты сознанія выделяютъ психологию изъ біологіи; и гдѣ кончается сознаніе, тамъ ученіе о психической системѣ сливается съ остальнымъ ученіемъ о жизни.

Не слѣдуетъ преувеличивать своеобразности метода самонаблюденія: исключительнаго онъ ничего не представляетъ.

Прямо, непосредственно познаніе ни съ чѣмъ другимъ не имѣетъ дѣла, какъ только съ явленіями сознанія; и всякое

«внѣшнее» познаніе есть въ сущности познаніе внутреннее, такъ какъ внѣшній міръ для насъ не данъ непосредственно, а данъ только рядъ состояній сознанія, которыя мы относимъ къ внѣшнему міру. Такимъ образомъ, къ «самонаблюденію» можно свести, въ извѣстномъ смыслѣ, наши методы познанія. Разница только та, что въ другихъ методахъ познавательная дѣятельность имѣетъ дѣло съ такими фактами сознанія, которые исходятъ изъ внѣшняго міра и возникаютъ при посредствѣ внѣшнихъ чувствъ, а въ психическомъ самонаблюденіи—какъ будто съ фактами другого рода. Но и здѣсь различіе оказывается весьма условнымъ: для современной науки всѣ факты сознанія въ конечномъ анализѣ исходятъ изъ внѣшняго міра, хотя и менѣе непосредственно, чѣмъ ощущенія отъ внѣшнихъ чувствъ; слѣдовательно, самонаблюденіе имѣетъ ту же исходную точку, что и наблюденіе внѣшняго міра.—Мало того, хотя я и сказалъ, что въ самонаблюденіи объектъ познаваемый сливается съ субъектомъ познающимъ, но и этого нельзя принимать въ безусловномъ смыслѣ. До нѣкоторой степени и въ этомъ случаѣ субъектъ познанія отграничивается отъ объекта: наблюдая извѣстную группу своихъ представленій, чувствованій, я необходимо отдѣляю ихъ отъ своего познающаго въ этотъ моментъ я; они дѣлаются для меня какъ-бы чѣмъ-то внѣшнимъ; иначе была бы невозможна никакая критика своего сознанія.

Какъ я сказалъ, пріемъ самонаблюденія характеренъ для психологіи, но это не уменьшаетъ значенія для этой науки прочихъ биологическихъ методовъ. Непосредственно наблюдать факты сознанія, какъ они есть, слишкомъ мало; надо еще видѣть, откуда они берутся и куда дѣваются; въ этомъ отличіе изслѣдованія современнаго, историческаго, отъ прежняго, статическаго. А изучая сознаніе въ процессъ его возникновенія и измѣненія, приходится непремѣнно перейти въ область его причинъ, въ сферу «безсознательнаго», «внѣшняго міра», для которой обязательны прочіе биологическіе и физико-химическіе методы.

Болѣе того—другимъ методамъ должно принадлежать рѣшительное преобладаніе и верховный контроль надъ самонаблюденіемъ. На эту точку зрѣнія стала современная фізіологическая и экспериментальная психологія. Чистое самонаблюденіе можетъ дать у различныхъ людей различные результаты—и споры окажутся бесплодными; а примѣненіе другихъ пріемовъ допускаетъ болѣе или менѣе точную провѣрку.

В. Итакъ, извѣстное единство методовъ съ опредѣленностью указываетъ на то, что неправильно было бы слишкомъ рѣзко отгра-

ничивать сферу психологіи отъ остальныхъ областей біологической науки. Однако, именно здѣсь мы сталкиваемся съ очень упорнымъ до сихъ поръ стремленіемъ выдѣлить сознание изъ остальной—живой и не живой—природы, какъ нѣчто совершенно исключительное. Это статическое отношеніе къ сознанию философски выражается въ томъ, что внутренній міръ человѣка—его сознание безусловно противопоставляется міру внѣшнему—всей остальной природѣ. Различіе между я и не-я преувеличивается до степени абсолютнаго различія. Создается непроходимая пропасть въ природѣ—и безысходное противорѣчіе въ познаніи: если внѣшній и внутренній міръ по существу различны, то между ними не можетъ быть никакой связи; слѣдовательно, что можетъ внутренній міръ познать о внѣшнемъ? Ничего. Какъ можетъ онъ вліять на него? Никакъ. И однако мы необходимо занимаемся изученіемъ внѣшняго міра и борьбою съ нимъ.

Противорѣчіе это долго мучило философскія головы и породило любопытный вопросъ о реальности внѣшняго міра. Разсуждали такъ: Прямо, непосредственно у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ, кромѣ чувствъ, ошущеній, представленій,—вообще, кромѣ фактовъ сознанія. Вылѣзть за свои собственные предѣлы сознание не можетъ, оно не въ силахъ непосредственно убѣдиться въ томъ, что есть нѣчто внѣ его. Оно только дѣлаетъ предположеніе о существованіи внѣшняго міра; но предполагать можно и ошибочно. Вѣдь относимъ мы во снѣ къ внѣшнему міру тѣхъ людей, тѣ предметы, которые намъ тогда представляются,—однако внѣшній міръ сновидѣвій существуетъ только въ сознаніи спящаго. Можетъ быть, весь міръ и вся природа есть не что иное, какъ одинъ гигантскій сонъ, стройно-логичный, яркій и интересный, но все-же не болѣе, какъ сонъ, дитя свободной, творческой дѣятельности сознанія.

Если принять такое рѣшеніе вопроса, то противорѣчіе между внутреннимъ и внѣшнимъ міромъ вполнѣ устранено, только цѣной уничтоженія внѣшняго міра. Изъ ванны выстѣ съ водой выплеснули ребенка.

Разъ вопросъ о реальности внѣшняго міра поставленъ—на него долженъ быть данъ отвѣтъ, хотя самая постановка вопроса можетъ казаться большой нелѣпостью. Но странно было бы и ожидать правильнаго и обоснованнаго отвѣта безъ предварительнаго изученія «внѣшняго міра», все равно, реаленъ онъ, или созданъ сознаніемъ,—и конечно, также міра внутренняго.

Изученіе приводитъ ко всеобщему закону причинности, который вѣренъ для всей природы, и внутренней, и той, которую назы-

вають «внѣшнюю». Законъ этотъ долженъ быть истиннымъ, потому что, лежа въ основу дѣятельности, онъ никогда не приводитъ къ противорѣчію. А если признать это—вопросъ о внѣшнемъ мірѣ разрѣшается. По формулѣ инерціи всякое измѣненіе исходитъ извнѣ; внутренній міръ, взятый въ цѣломъ, измѣняется: «я» теперь не то, что 30 лѣтъ тому назадъ; слѣдовательно, существуетъ міръ внѣшній, который вліяетъ на внутренній, который его измѣняетъ. — Но тотъ же законъ причинности не допускаетъ и рѣзкаго, статическаго отграниченія внѣшней природы отъ сознанія. «Энергія едина, а слѣдовательно, въ природѣ нѣтъ качественныхъ существенныхъ различій», говоритъ современная формула этого закона—формула энергіи. Такимъ образомъ, различіе сознанія и внѣшней природы есть только относительное различіе; строгой границы между ними нѣтъ; они сливаются въ неразрывномъ единствѣ мірового процесса.

Но противъ этого протестуетъ сложившаяся привычка: статика глубоко въѣлась въ плоть и кровь современнаго человѣчества; въ усиленной борьбѣ и въ мышленіи каждый привыкъ такъ рѣзко выдѣлять свое «я» изъ всей природы, что мало кто обращаетъ вниманіе на тѣ пункты, гдѣ «я» и «не—я», сознаніе и внѣшній мръ, сливаются между собою. Мы кратко отмѣтимъ эти пункты.

Примѣненіемъ объективныхъ методовъ (вмѣстѣ съ психологическимъ самонаблюденіемъ) получены такіе выводы. На каждомъ шагу въ процессѣ ощущенія совершается переходъ энергіи внѣшняго раздраженія въ фактъ сознанія; на каждомъ шагу—въ произвольныхъ поступкахъ—психическое явленіе воли переходитъ во внѣшнее движеніе. То и другое съ очевидностью доказываютъ единство энергіи внѣшнихъ и внутреннихъ процессовъ.—Ученіе о подвижномъ равновѣсіи человѣческаго организма прибавляетъ къ этому слѣдующее: та энергія, которая проявляется въ психической дѣятельности, ассимилируется организмомъ преимущественно въ формѣ химической энергіи воспринятыхъ веществъ, а дезассимилируется организмомъ преимущественно въ формѣ тепла. Какъ ни мало изслѣдованъ средній членъ этого ряда, но онъ не можетъ существенно отличаться отъ крайнихъ. Единство явленій выступаетъ съ очевидностью.

Методъ самонаблюденія и въ отдѣльности даетъ убѣдительныя доказательства относительности различій «я» и «не-я». Психика имѣетъ свой внѣшній міръ—это ея безсознательное. На постоянномъ, непрерывномъ превращеніи сознаваемого въ несознаваемое и обратно, можно видѣть, до чего незаконно абсолютное ихъ противопоставленіе.

Образы постоянно смѣняются въ сознаніи; куда они дѣваются въ то время, какъ исчезаютъ изъ него? Они хранятся въ сферѣ

психически-безсознательнаго, и отъ времени до времени вновь всплываютъ надъ горизонтомъ сознанія. Самый переходъ изъ одной области въ другую является вполне непрерывнымъ, послѣдовательнымъ, какъ-бы быстро онъ ни происходилъ. Не всегда удается уловить эту послѣдовательность; но во многихъ случаяхъ она выступаетъ очень отчетливо, — именно, когда переходъ изъ одной сферы въ другую замедляется. Не даромъ психологи и беллетристы нерѣдко употребляютъ термины: — «почти безсознательно», «полусознательно», «съ неполнымъ сознаніемъ» и т. под., — термины, которые указываютъ на различныя степени сознанія, на различныя стадіи его перехода въ безсознательное.

Среди спокойно происходящей смѣны представленій, у васъ возникаетъ своеобразно-напряженное состояніе. Вы предчувствуете, что сейчасъ вспомните что-то, что какой-то яркій образъ готовится вступить въ ваше сознаніе; ему предшествуетъ какъ будто заря, неопредѣленный и слабый отблескъ. Вы уже ощущаете, уже можете опредѣлить, съ какимъ чувствомъ, удовольствіемъ или страданіемъ, соединенъ неизвѣстный образъ. Вотъ заря воспоминанія усиливается... вотъ она опять угасаетъ, ее затмеваютъ обыденные образы, и, какъ ея слѣдъ, у васъ остается только слабое, легкое сожалѣніе. — Снова вспыхиваетъ отблескъ... онъ становится ярче, живѣе... неясно и хаотично намѣчаются основныя черты воскресающаго образа... вотъ вы уже вполне различаете его, и можете сказать себѣ, что это такое. — Напряженность представленія возрастаетъ, онъ заполняетъ мало-по-мало все поле сознанія; другіе образы блѣднѣютъ, ступеваются, скрываются въ томъ сѣромъ безразличіи, которое носить имя безсознательнаго... Гдѣ граница? Сознаніе и безсознательное, внутренній и внѣшній міръ сливаются въ непрерывномъ процессѣ.

Въ большинствѣ случаевъ переходъ образовъ изъ одной сферы въ другую совершается быстро; тогда его послѣдовательность ускользаетъ отъ наблюденія; кажется, что образы возникаютъ мгновенно, сразу. Иллюзія эта очень понятна: чтобы видѣть послѣдовательность процесса, надо различать и сравнивать отдѣльныя его стадіи; а каждое такое различіе есть особый актъ сознанія, требующій извѣстнаго, опредѣленнаго времени, которое современная экспериментальная психологія можетъ довольно точно измѣрить. Когда времени слишкомъ мало, различію нѣтъ мѣста ¹⁾: это относится къ боль-

¹⁾ Тутъ, можетъ быть, дѣло не въ одномъ недостаткѣ времени для различенія стадій перехода изъ безсознательнаго въ сознаніе; но несомнѣнно, что одной этой кратковременности перехода было бы уже достаточно, чтобы обусловить отсутствіе различенія.

шинству кризисовъ. Тогда недостаточно прямого наблюденія, необходимо точное изслѣдованіе и измѣреніе; а оно всегда можетъ установить послѣдовательность въ происходящихъ измѣненіяхъ.

С. Итакъ, вся совокупность психическихъ явленій обладаетъ въ нашемъ познаніи нѣкоторой отдѣльностью отъ остальной природы, нѣкоторой своеобразностью, изъ которой вытекаетъ и необходимость особыхъ методовъ для науки о психикѣ. Наша задача заключается теперь въ томъ, чтобы показать, во-первыхъ, какимъ образомъ можетъ примѣняться въ данной области всеобщій законъ причинности; во вторыхъ, какія болѣе частныя формулы этого закона могутъ быть признаны для данной области общими и основными. Дать отвѣтъ на первый вопросъ,—значить выяснить связь психики съ природой; второй вопросъ относится, напротивъ, къ отдѣльности психики среди природы.

§ 2.

Психическія формы.

Психической формой слѣдуетъ, очевидно, называть отдѣльность и единство существованія психическихъ процессовъ.

Назначеніе психической системы выражается въ тѣхъ двигательныхъ реакціяхъ организма на вѣншній міръ, которыми она себя проявляетъ. При обычныхъ пріемахъ біологическаго изслѣдованія, наличность психическихъ процессовъ устанавливается именно на основаніи ряда наблюдаемыхъ двигательныхъ реакцій, болѣе или менѣе цѣлесообразныхъ, полезныхъ для организма.

Кромѣ того, непосредственное самонаблюденіе даетъ человѣку другую область проявленій психики—факты сознанія. Эти факты во многихъ случаяхъ—но не всегда—непосредственно связываются съ замѣтными двигательными реакціями организма. Точно также не всѣ двигательныя реакціи соединяются съ фактами сознанія: существуютъ движенія безсознательныя—инстинктивныя, рефлексивныя; къ рефлексивнымъ относятся всѣ движенія такъ назыв. произвольныхъ мускуловъ.

Беремъ въ отдѣльности какую-нибудь двигательную реакцію организма, напр. рефлексивное отдергиванье руки, прикоснувшейся къ огню. Разматривая эту реакцію, какъ процессъ до извѣстной степени отдѣльный и единый по своей непрерывности, мы можемъ сказать, что познаемъ особую психическую форму двигательной реакціи.

Наблюдаемъ, далѣе, какой-нибудь частный фактъ сознанія, напр.

промелькнувшее у насъ въ головѣ представленіе о солнцѣ. Находя въ этомъ процессѣ известную отдѣльность отъ другихъ и констатируя его непрерывность, мы опять-таки можемъ сказать, что имѣемъ дѣло съ особой психической формой сознанія.

Пока мы ограничиваемся такими узкими, частными наблюденіями, для насъ не встрѣчается особыхъ трудностей въ дѣлѣ различія психическихъ формъ. Но едва мы захватываемъ сразу цѣлый рядъ сходныхъ фактовъ, какъ убѣждаемся, что вопросъ довольно сложенъ.

Одна и та же двигательная реакція время отъ времени повторяется при сходныхъ условіяхъ. Одно и то же представленіе послѣ болѣе или менѣе долгихъ перерывовъ вновь и вновь всплываетъ въ сознаніи. — Имѣемъ ли мы право въ томъ и въ другомъ случаѣ объединять всѣ подобныя повторенія въ понятіи определенной психической формы? Если ограничиваться только этими повтореніями, то конечно нѣтъ; потому что какая же это была бы психическая форма, которая то появляется, то исчезаетъ, то вновь появляется. Познавать явленія съ точки зрѣнія закона причинности, закона энергіи, значить познавать ихъ какъ непрерывно существующія. Эту непрерывность, это единство существованія необходимо найти и для психическихъ процессовъ; иначе совершенно непонятнымъ оказалось бы самое повтореніе одинаковыхъ фактовъ движенія и сознанія. Оно было бы настоящимъ чудомъ для познанія, если не признать, что въ психической системѣ существуютъ опредѣленные группы непрерывныхъ процессовъ, которые время отъ времени, при опредѣленныхъ условіяхъ, порождаютъ одинаковые факты внѣшняго движенія и сознанія.

Мы признаемъ, что наше современное познаніе, наблюдая одинаковыя двигательныя реакціи и одинаковые факты сознанія, имѣетъ дѣло только со сходными кризисами постоянныхъ, опредѣленныхъ процессовъ психики. Тогда, связывая эти процессы съ ихъ кризисами въ одну непрерывность, и рассматривая ихъ въ отдѣльности отъ другихъ процессовъ психики, мы объединяемъ эту непрерывность и эту отдѣльность въ понятіи «психической формы».

Такимъ образомъ, установленный нами типъ формъ психики, соответствующихъ повторяющимся внѣшнимъ движеніямъ или фактами сознанія, обладаетъ сложнымъ содержаніемъ: рядъ психически-безсознательныхъ, сравнительно мало поддающихся современному изслѣдованію процессовъ нервной системы и ея придатка — мускульнаго аппарата, и рядъ кризисовъ въ ходѣ этихъ процессовъ, при чемъ кризисы познаются въ фактахъ или сознанія, или внѣшняго движенія, или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ.

Изъ этого видно, насколько немыслима научная психологія безъ анатоміи и фізіологіи нервно-мускульной системы. Нервная клітка, нервное волокно съ его концевымъ аппаратомъ, воспринимающимъ вѣдшія раздраженія или передающимъ центральныя—вотъ существенныя, постоянныя элементы психическихъ формъ приспособленія. Изучая эти элементы въ ихъ измѣненіи и въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, наука должна съ наибольшей точностью выяснить постоянное и своеобразное въ различныхъ психическихъ фактахъ и ихъ сочетаніяхъ,—познать эту область явленій полнѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ путемъ одного наблюденія вѣдшнихъ двигательныхъ реакцій и внутреннихъ процессовъ сознанія.

Существуютъ психическіе процессы, недоступныя ни обычнымъ приемамъ объективнаго изслѣдованія—правду сказать, пока еще довольно грубымъ,—ни прямому самонаблюденію сознанія. Это доказывается такими фактами. У человѣка время отъ времени возникаетъ опредѣленное воспоминаніе, которому соответствуетъ, конечно, непрерывный психическій процессъ. Затѣмъ это воспоминаніе «забывается», т. е. въ теченіе многихъ лѣтъ не всплываетъ въ сознаніи; вообще, соответственная психическая форма ни въ чемъ замѣтно не проявляется. И вдругъ при какихъ-нибудь исключительныхъ условіяхъ (гипнозъ, горячечный бредъ) оказывается, что, въ сферѣ безсознательнаго, воспоминаніе продолжало сохраняться: человѣкъ вновь высказываетъ его. А если бы дѣло обошлось безъ этихъ исключительныхъ условій, какъ это чаще всего и бываетъ, то воспоминаніе такъ и осталось бы схороненнымъ въ сферѣ безсознательно-психическихъ процессовъ; психическая форма, слѣдовательно, возможна и безъ такихъ проявленій, которыя вообще доступны современному изслѣдованію ¹⁾.

Единство и отдѣльность психическихъ формъ, разумѣется, относительны, такъ что можно различать формы болѣе сложныя и болѣе простыя. За основу для разграниченія намъ въ однихъ случаяхъ придется взять факты вѣдшняго движенія, въ другихъ—факты сознанія. Такимъ образомъ существуютъ психическія формы рефлекса, инстинктивныхъ движеній, произвольныхъ поступковъ; далѣе формы отдѣльныхъ представленій, чувствъ, побужденій, формы цѣлыхъ ассоціацій, охватывающихъ болѣе или менѣе обширныя группы фактовъ сознанія.

Даже психическая форма рефлекса въ иныхъ случаяхъ можетъ быть разложена на нѣсколько связанныхъ между собою формъ, со-

¹⁾ Конечно, не все забытое сохраняется въ безсознательномъ; и психическія формы «уничтожаются».

отвѣтствующихъ болѣ простымъ рефлексивнымъ движеніямъ. Возможно, что форму инстинкта слѣдуетъ разлагать на рядъ формъ рефлекса. Повторяющееся сочетаніе произвольныхъ ¹⁾ поступковъ можетъ отличаться большей или меньшей сложностью: въ иныхъ случаяхъ сознательная привычка охватываетъ значительную группу произвольныхъ движеній; соотвѣтственная психическая форма представляется уже очень сложною;—но мы можемъ даже мысленно выдѣлить цѣлую обширную область дѣятельности даннаго лица и, рассматривая эту область въ ея отдѣльности и единствѣ, сводить ее къ одной, весьма сложной психической формѣ: занятію извѣстнымъ ремесломъ, извѣстнымъ типомъ общественной дѣятельности соотвѣтствуетъ въ нашемъ представленіи опредѣленный рядъ постоянныхъ процессовъ психики, т. е. въ сущности опредѣленная психическая форма.

Представленіе даннаго лица о солнцѣ выдѣляетъ собою еще сравнительно простую форму его психики. Соединяя это представленіе съ другими образами, чувствами, побужденіями, которые обыкновенно вмѣстѣ съ нимъ выступаютъ въ одномъ полѣ сознанія, мы получаемъ понятіе о болѣ сложной психической формѣ, которая познается въ этой «ассоціаціи фактовъ сознанія».

Совокупность познаній даннаго лица по такой-то наукѣ, извѣстная система убѣжденій, философское міровоззрѣніе и т. д. соотвѣтствуетъ опредѣленной сложной психической формѣ.

Психика въ ея цѣломъ представляетъ изъ себя, конечно, наиболѣе сложную форму этого рода.

Что касается до простѣйшихъ психическихъ формъ, то опредѣлить ихъ съ точностью въ настоящее время не приходится. Разложеніе двигательныхъ реакцій на ихъ элементы—вообще довольно трудное дѣло; точно также и анализъ прямого самонаблюденія, имѣющій дѣло съ образами сознанія, дальше извѣстнаго предѣла становится очень неточнымъ, и у различныхъ людей даетъ различные результаты. (Вопросу объ элементахъ сознанія намъ придется посвятить особое приложение).

Психическія формы отличаются, между прочимъ, той особенностью, что ихъ не удастся разграничивать пространственно. Впрочемъ, это относится, какъ мы знаемъ, и ко многимъ другимъ формамъ движенія; да и всякій вообще процессъ природы можно только приблизительно и условно отдѣлять въ пространствѣ отъ другихъ процессовъ. Прогрессъ фізіологической психологіи ведетъ мало-по-малу къ тому, что и для психическихъ процессовъ—такъ же при-

¹⁾ т. е. прямо связанныхъ съ сознаніемъ.

близительно и условно—опредѣляются пространственныя границы (ученіе о локализациі фактовъ сознанія и двигательныхъ реакцій).

§ 3.

Общій принципъ причинности въ примѣненіи къ психическимъ формамъ.

А. Современная наука признаетъ, что законъ причинности во всей его полнотѣ примѣнимъ къ фактамъ сознанія и вообще психики. Но до сихъ поръ не вполне исчезли, особенно въ «философіи», остатки противоположныхъ воззрѣній. Ученіе о «внутренней свободѣ» сознанія представляетъ, на ряду съ ученіемъ о жизненной силѣ, одно изъ послѣднихъ убѣжищъ статическаго мышленія.

Ученіе о «свободѣ» отвергаетъ для сознанія—обыкновенно, съ разными ограниченіями—причинность на всѣхъ стадіяхъ ея познанія. Оно дѣлаетъ человѣческую волю первичной исходной точкой нѣкоторыхъ дѣйствій, такъ что воля оказывается выше закона инерціи, по которому исходная точка всякаго измѣненія лежитъ во внѣшней средѣ: «я поступаю такъ только потому, что этого хочу, а мое хотѣніе не имѣетъ внѣшнихъ причинъ». Тѣ сторонники «свободы», которые дѣлаютъ уступку по вопросу о внѣшнихъ причинахъ побужденій, выставляютъ за то, въ противорѣчіи съ закономъ опредѣленнаго дѣйствія, положеніе о «свободномъ выборѣ»: «при данныхъ условіяхъ я могу поступить такъ или иначе», т. е. въ одной и той же формѣ при однихъ и тѣхъ же условіяхъ возможны различныя измѣненія. О законѣ энергіи и говорить нечего: факты сознанія признаются качественно, по существу отличающимися отъ измѣненій внѣшней природы, такъ что ученію объ энергіи со свободнымъ сознаніемъ просто нечего дѣлать.

Теорія «свободы» опирается на самонаблюденіе: «я чувствую, что я свободенъ; я сознаю, что могу поступить такъ или иначе», и т. под. — Однако, мы знаемъ, что самонаблюденіе, взятое въ отдѣльности, является методомъ недостаточнымъ и ненадежнымъ; оно имѣетъ дѣло только съ фактами сознанія, и не можетъ проникнуть въ сферу безсознательнаго; а если причины, опредѣляющія сознаніе, лежатъ именно тамъ, то очевидно, что для самонаблюденія онѣ не существуютъ, и получается иллюзія безпричинности.

Въ настоящее время вопросъ находится въ такомъ положеніи. Съ каждымъ новымъ шагомъ науки психологіи открываются массы новыхъ положительныхъ фактовъ въ пользу ученія о строгой причинности всей психики, стало быть, и сознанія. Въ пользу же тео-

ріи свободи никогда и никѣмъ не было представлено ни одного положительнаго, доступнаго научной провѣркѣ наблюденія. Теорія эта держится не на томъ, что выяснено, а на томъ, что не выяснено. При этомъ она стоитъ въ противорѣчii съ тѣмъ направлениемъ, въ которомъ совершается научный прогрессъ. Она произвольна и противо-научна, какъ ея двойникъ въ біологіи—витализмъ.

Къ остаткамъ статической теоріи «внутренней свободы» слѣдуетъ отнести ученіе о параллелизмѣ явленій сознания и безсознательнаго въ природѣ. По этому воззрѣнію законъ причинности строго примѣнимъ къ фактамъ физическимъ въ отдѣльности; психическія явленія связаны въ свою очередь извѣстной законностью; та и другая связь явленій вполне параллельны между собою, т. е. измѣненія въ области физическаго и психическаго міра совершаются одновременно и въ полномъ соотвѣтствіи, но одни не могутъ признаваться причиною другихъ и обратно; ихъ взаимная зависимость есть не причинность, а параллелизмъ; какъ двѣ параллельныя линіи не пересѣкаются, но постоянно сохраняютъ между собою связь направленія—такъ явленія физическія не могутъ переходить въ психическія и обратно, хотя измѣненія тѣхъ и другихъ взаимно соотвѣтственны.

Совершенно очевидно, что параллелизмъ есть попытка сохранить двѣ «сущности» подъ одной фирмою. Ученіе это противорѣчитъ закону энергіи, и не имѣетъ за себя положительныхъ данныхъ. Останавливаться на немъ намъ не приходится.

В. Положеніе о консерватизмѣ формъ, о полной послѣдовательности измѣненій, въ сферѣ психики примѣнимо не въ меньшей степени, чѣмъ въ другихъ областяхъ жизни. Какъ мы отмѣтили, переходы въ сознаніи могутъ казаться иногда рѣзкими, мгновенными; но это можно объяснить себѣ, хотя бы тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что дальше извѣстнаго предѣла сознаніе не успѣваетъ отмѣтить и различить послѣдовательныя стадіи такихъ переходовъ; а не успѣваетъ оно потому, что актъ различенія самъ по себѣ требуетъ извѣстнаго времени.

Положеніе о подвижномъ равновѣсіи формъ, объ ихъ ростѣ и упадкѣ занимаетъ такое же мѣсто въ ученіи о психикѣ, какъ и въ остальной біологіи. Иллюстрировать это примѣрами, мы полагаемъ, нѣтъ надобности; всякій по опыту знаетъ, въ какой строгой зависимости отъ процессовъ ассимиляціи и дезассимиляціи стоитъ психическая дѣятельность.

Общія положенія о зависимости строенія формы отъ ея среды, элементовъ отъ цѣлаго и его внѣшнихъ отношеній, положенія, прямо

выведенныя изъ закона причинности, конечно, также не находятъ исключеній въ сферѣ психики. — Всякому извѣстно, что душевная жизнь человѣка вполне опредѣляется его наслѣдственностью, воспитаніемъ, обстановкой, общественной средой, различными случайностями жизненныхъ столкновеній, — т. е. всевозможными внѣшними вліяніями, дѣйствующими на человѣка ¹⁾, такъ что и здѣсь внутренняя исторія формы опредѣляется ея внѣшней исторіей.

Явленія кризисовъ играютъ громадную роль въ жизни психики. Всякій переходъ отъ сознанія къ безсознательному и обратно, всякая смѣна въ сознаніи одного образа, чувства, побужденія другимъ, представляютъ изъ себя психическіе кризисы. — Мы склонны думать, что вообще каждый различаемый фактъ сознанія долженъ разсматриваться, какъ нѣкоторый кризисъ въ ходѣ безсознательнаго фізіологическаго процесса.

§ 4.

Психическія формы, какъ формы приспособленія.

Какъ излагалось въ предыдущей части, вся психическая система, а слѣдовательно и ея элементы — психическія формы — являются формами приспособленія, т. е. онѣ выработаны измѣнчивостью и подборомъ въ борьбѣ организмовъ за ихъ существованіе. Что это именно такъ, о томъ свидѣлствуетъ полнѣйшій рядъ имѣющихся въ природѣ переходовъ отъ простѣйшихъ формъ психическаго аппарата до наиболѣе сложныхъ. Низшую ступень ряда представляетъ система рефлексовъ у амебы. Этотъ аппаратъ настолько не сложенъ, что большую часть проявленій его дѣятельности съ успѣхомъ воспроизводятъ Квинке и Бюкли въ своихъ «искусственныхъ клѣткахъ», которыя приготавливаются изъ различныхъ смѣсей масляныхъ и мыльных жидкостей. Говорить о полномъ и совершенно точномъ воспроизведеніи этихъ явленій пока не приходится, что и естественно: вѣдь за амебами имѣется долгая исторія многихъ милліоновъ поколѣній, которыя боролись за свое существованіе, измѣнялись и подвергались подбору. — Высшую ступень ряда психическихъ формъ занимаетъ психика человѣка съ ея поразительно сложной системой фактовъ сознанія. Въ процессѣ развитія отдѣльной человѣческой личности на глазахъ у каждого совершается переходъ психики безсознательной въ сознательную; для современной

¹⁾ Наслѣдственность есть также внѣшнее вліяніе — со стороны родителей, и опять-таки опредѣляется ихъ предшественной исторіей и т. д.

науки несомнѣнно, что переходъ этотъ въ общихъ и основныхъ чертахъ долженъ воспроизводить всю минувшую исторію развитія человѣческой психики;—и тѣмъ не менѣе статическому мышленію страшно трудно примириться съ той идеей, что и факты сознанія являются приспособленіемъ психической системы къ условіямъ борьбы за жизнь.

Но ученіе о біологической причинности—подборѣ—не допускаетъ иного объясненія, кромѣ того, что сознаніе постепенно развилось изъ безсознательнаго, потому что оно было полезно для жизни. А польза его несомнѣнна. Сознаніе есть первоначально различіе внѣшнихъ вліяній, и прежде всего различіе пріятнаго и непріятнаго—т. е. въ сущности полезнаго и вреднаго для жизни. Безспорно, что, хотя бы незначительное, превосходство въ этомъ различеніи даетъ уже большое преимущество однимъ организмамъ надъ другими въ ихъ борьбѣ за жизнь. Возможно, что пингвины скоро всѣ до единого падутъ жертвами своей неисправимой глупости, доходящей до того, что ихъ можно подрадь убивать палкой, и тѣ, которые еще живы, даже не думаютъ спастись.—Напротивъ, маленькая сообразительная птица—воробей, котораго, какъ извѣстно, очень трудно провести, весьма успѣшно размножается въ сосѣдствѣ съ людьми, которые относятся къ нему безъ всякой симпатіи.—Развитіе сознанія, какъ всякое развитіе, было возрастаніемъ жизне-способности формъ жизни.

Подобно прочимъ формамъ приспособленія, психика, вмѣстѣ съ сознаніемъ, должна подчиняться закону послѣдовательности развитія. Слѣдовательно, элементы строенія психики приспособляются къ внѣшней средѣ, начиная съ области наиболѣе непосредственныхъ отношеній внѣшней борьбы; въ зависимости отъ этихъ первичныхъ формъ приспособленія складываются формы вторичныя, въ средѣ тѣхъ психическихъ явленій, которыя имѣютъ болѣе косвенную связь съ борьбою противъ внѣшняго міра, далѣе формы третьяго порядка и т. д... Подходящій примѣръ былъ уже данъ мною во 2-й части. Тамъ говорилось о птицахъ, которыя, благодаря происшедшимъ измѣненіямъ климата, приобрѣли привычку къ ежегоднымъ перелетамъ въ теплыя страны и обратно, т. е., создали для себя новую психическую форму приспособленія въ области непосредственной борьбы за жизнь. Въ зависимости отъ этой привычки, вслѣдъ за нею получили усиленное развитіе соціальныя инстинкты птицъ, т. е. явилась вторичная психическая форма приспособленія; за ней послѣдовала форма третьяго порядка—система сигналовъ. Каждая изъ этихъ трехъ психическихъ формъ, или ужъ по крайней мѣрѣ двѣ послѣд-

нія включаютъ въ себя, между прочимъ, и опредѣленный рядъ фактовъ сознанія.

Вообще психика подчинена всѣмъ біологическимъ законамъ, касающимся остальныхъ формъ приспособленія. Нѣтъ фактовъ, которые бы противорѣчили этому.

§ 5.

Психическія формы, какъ формы своеобразныя.

Уже въ силу громадной сложности и разнообразія своихъ жизненныхъ проявленій развитая техническая система представляется настолько своеобразною формой, что въ этомъ отношеніи ее не съ чѣмъ сравнивать во всей природѣ. Но самыя замѣчательныя особенности, наиболѣе сильно выдѣляющія психическую область среди мірового единства, это тѣ, которыя обнаруживаются въ фактахъ сознанія.

А. Первая изъ такихъ особенностей уже отмѣчена въ предыдущемъ—психическій подборъ, основанный на чувствѣ удовольствія и страданія. Въ формѣ страданія и удовольствія сознаніе различаетъ, по крайней мѣрѣ приблизительно, уменьшеніе и возрастаніе жизнеспособности организма. Въ тѣсной связи съ появленіемъ въ сознаніи того или другого чувства, въ психической системѣ происходятъ затѣмъ внутреннія измѣненія, направленные въ одномъ случаѣ къ тому, чтобы продолжить или повторить предшествующую чувству двигательную реакцію организма, въ другомъ случаѣ—къ тому, чтобы ослабить или прекратить ее, можетъ быть, даже замѣнить ее противоположною.—Психическій подборъ позволяетъ одному организму за его короткую жизнь достигать такого возрастанія жизнеспособности, которое при помощи только внѣшняго подбора уклоненій въ психической системѣ получилось бы, можетъ быть, не раньше, какъ черезъ тысячи поколѣній.—

В. Другая существенная особенность психики, проявляющаяся въ фактахъ сознанія, это память. Явленія памяти состоятъ въ томъ, что если при опредѣленныхъ условіяхъ было пережито въ сознаніи опредѣленное измѣненіе, то при условіяхъ до нѣкоторой степени сходныхъ переживается сходное, хотя обыкновенно и болѣе слабое измѣненіе. При этомъ особенно важно то, что сходство новыхъ условій съ прежними, необходимое для возобновленія факта въ памяти, можетъ быть весьма незначительно. Обыкновенно при воспоминаніи даже совершенно отсутствуетъ то самое внѣшнее вліяніе, которое было непосредственной причиною прежняго

факта сознанія. Мы воспоминаемъ, напр., своихъ друзей, когда не видимъ ихъ, когда ихъ нѣтъ съ нами; но, повидимому, воспоминаніе является только въ томъ случаѣ, когда есть напоминающія обстоятельства, т. е. сколько-нибудь сходныя съ тѣми, при которыхъ возникъ первоначальный фактъ сознанія. — Чѣмъ чаще возобновлялся въ памяти извѣстный фактъ сознанія, тѣмъ легче онъ вновь повторяется, тѣмъ менѣе значительнаго сходства условій достаточно для «напоминанія» о немъ.

Совершенная аналогія фактовъ памяти въ области сознанія съ явленіями привычки въ сферѣ двигательныхъ реакцій сама собою бросается въ глаза. Вѣроятно, и въ механизмѣ этихъ двухъ замѣчательныхъ приспособленій есть очень много общаго. Во многихъ случаяхъ факты привычки и памяти являются совершенно нераздѣльными: именно въ повторяющихся произвольныхъ дѣйствіяхъ.

Возникновеніе памяти въ процессѣ біологическаго развитія объясняется прежде всего той громадной пользою, которую приноситъ организму это приспособленіе. Дальнѣйшее разъясненіе вопроса о памяти при современномъ состояніи науки заставило бы насъ черезчуръ вдаваться въ область гипотезъ. Такъ какъ о какомъ бы то ни было противорѣчіи фактовъ памяти со всеобщей причинностію явленій не можетъ быть и рѣчи, то намъ остается перейти къ другимъ своеобразнымъ чертамъ сознанія.

С. Третья, съ перваго взгляда наиболѣе замѣчательная особенность психическихъ формъ, это та, что въ фактахъ сознанія отражается не только прошлое (память) и настоящее, непосредственно и впервые переживаемое состояніе, но и будущее (ожиданіе, постановка цѣлей).

Выраженіе «отражать будущее» здѣсь не исполнѣ точно, и нужно пояснить его. — Всякая форма движенія, въ томъ числѣ и всякая психическая форма, по закону причинности есть результатъ всѣхъ тѣхъ внѣшнихъ вліяній, которымъ она вплоть до настоящаго момента подвергалась. Такимъ образомъ, если форму разсматривать какъ нѣчто исторически-данное, она есть отраженіе своего прошлаго, всѣхъ прошлыхъ измѣненій, происходившихъ въ ея внѣшней средѣ. — Въ то же время форма измѣняется силою вліяній, дѣйствующихъ на нее въ данный моментъ; въ своемъ измѣненіи она отражаетъ свое настоящее, тѣ вліянія, которыя для нея теперь существуютъ. — Никакая вообще форма не отражаетъ своего будущаго, тѣхъ вліяній, которымъ она еще не подверглась — это было бы нарушеніемъ закона причинности. И психика, съ ея сознаніемъ, разумѣется, не можетъ отражать будущаго.

Однако, мы думаемъ о своемъ будущемъ, представляемъ его себѣ, ставимъ цѣли, осуществляемъ ихъ,—вообще въ явленіяхъ сознания громадная доля посвящена какъ разъ этому будущему, оно предметъ нашихъ ожиданій, нашихъ стремленій. Нѣтъ ли здѣсь противорѣчія?

Отвѣтъ отрицательный. «Будущее» сознания есть только воспроизведеніе въ его настоящемъ элементовъ, созданныхъ прошлымъ. Ожиданіе, стремленіе подчинены закону причинности; отраженіе будущаго въ сознании есть производное его прошлаго и настоящаго...

Тѣ факты сознания, которые имѣютъ отношеніе къ будущему, ни въ какомъ случаѣ не могли бы возникнуть, если бы внѣшнія вліянія, дѣйствующія на психику, иногда не повторялись (я говорю, конечно, не о безусловно точномъ повтореніи, а объ очень маломъ для сознания различіи между двумя рядами впечатлѣній).—Положимъ внѣшнія причины вызвали послѣдовательныя ощущенія *a* и *b*; я видѣлъ волка и чувствовалъ боль отъ его зубовъ; это остается въ памяти въ видѣ представленій α и β .

Въ другой разъ выступаютъ въ той же самой послѣдовательности тѣ же вліянія: возникаетъ ощущеніе *a*—я вижу волка—и тотчасъ за нимъ представленіе α , воспоминаніе о прежде видѣнномъ волкѣ. Частичное воспроизведеніе прежнихъ вліяній по законамъ памяти «напоминаетъ» прежнія впечатлѣнія: представленіе α вызываетъ представленіе β , воспоминаніе о боли отъ волчьихъ зубовъ. Процессъ воспоминанія совершается вообще гораздо быстрее, чѣмъ процессъ непосредственнаго переживанія, какъ всякій знаетъ по опыту (быстроту эту слѣдуетъ считать весьма полезнымъ приспособленіемъ, такъ какъ она создаетъ для психики возможность скорѣе воздѣйствовать на измѣняющіяся внѣшнія условія). Такимъ образомъ, представленіе β выступаетъ въ сознании раньше, чѣмъ настоящее ощущеніе *b*—раньше, чѣмъ волкъ дѣйствительно меня укуситъ. Получается своеобразный порядокъ фактовъ сознания *a*, α , β , *b*, затѣмъ вновь β , такъ какъ ощущеніе *b* должно вызывать его въ свою очередь. Ощущеніе вмѣстѣ съ соотвѣтственнымъ представленіемъ сливается въ сложный психическій актъ воспріятія.

Такимъ образомъ, *a* въ соединеніи съ α образуетъ воспріятіе волка; *b* сливается съ слѣдующимъ β также въ воспріятіе укушенія; между двумя воспріятіями сохраняется еще представленіе β , соотвѣтствующее второму изъ нихъ.

Такой порядокъ фактовъ сознания служитъ основой для представленія о будущемъ: представленіе β , которое въ сущности отражаетъ только пережитое раньше ощущеніе *b*, въ то же время какъ-

бы отражаетъ и послѣдующее воспріятіе. Когда, путемъ повторенія опытовъ, въ сознаніи упрочится и будетъ отмѣчена связь между воспріятіемъ a_x , образомъ воспоминанія β и воспріятіемъ b_β , тогда имѣется уже въ зародышевой формѣ фактъ ожиданія.

Но внѣшнее вліяніе, вызывающее воспріятіе b_β , есть вліяніе полезное или вредное, къ которому нервно-психическій аппаратъ долженъ немедленно приспособиться; въ нашемъ примѣрѣ приспособленіе совершается путемъ бѣгства, определенной, двигательной реакціи. Для организма въ высшей степени полезно, чтобы психическій процессъ совершался ускоренно по сравненію съ предъидущими случаями, и чтобы реакція бѣгства наступала уже тотчасъ послѣ представленія β , раньше, чѣмъ наступитъ воспріятіе b_β .

Въ силу того приспособленія, которое называется привычкой, повторяющаяся реакція съ каждымъ новымъ разомъ наступать легче и быстрѣе, такъ что съ теченіемъ времени для нея дѣйствительно оказывается достаточной причиной воспріятіе a_x и воспоминаніе β : я убѣгаю отъ волковъ, какъ только ихъ увидалъ и вспомнилъ объ ихъ зубахъ. Тутъ уже фактъ ожиданія выступаетъ въ своей развитой формѣ: ожиданіе есть не что иное, какъ приспособленіе, приготовленіе психической системы къ еще не наступившему воздѣйствію.

Механизмъ постановки цѣлей только большей сложностью отличается отъ механизма ожиданія; существенно новыхъ элементовъ здѣсь нѣтъ. Когда человѣкъ, сломя голову, бѣжитъ отъ воющихъ волковъ, о цѣли говорить, пожалуй, не приходится: онъ бѣжитъ, потому что испугался, и только. Но если приспособленіе къ ожидаемому факту совершилось болѣе «сознательно» т. е. человѣкъ отчетливо представлялъ себѣ и непріятность столкновенія съ волками, и пользу бѣгства,—то можно сказать, что въ своемъ поступкѣ онъ преслѣдовалъ определенную цѣль—избавиться отъ волчьихъ зубовъ.—Наконецъ, если между представленіемъ и соотвѣтствующимъ ему не наступившимъ еще непосредственнымъ воспріятіемъ является необходимымъ звеномъ цѣлый рядъ различныхъ дѣйствій, и если связь между этими дѣйствіями и представленіемъ будущаго факта ясно отмѣчается въ сознаніи,—тогда «постановка цѣлей дана въ ея развитой формѣ».

Первоначально цѣли могутъ существовать для сознанія, надо полагать только въ видѣ образовъ воспоминанія, представленій о пережитыхъ уже ощущеніяхъ. Но благодаря громадной измѣнчивости психического аппарата, въ сознаніи затѣмъ возникаютъ комбинаціи представленій, не соотвѣтствующія пережитымъ комбинаціямъ ощущеній; эти новыя комбинаціи образовъ могутъ играть роль цѣлей, и тогда

передъ нами является творческая дѣятельность сознательныхъ существъ. Мастеръ строить въ наши времена фонографъ, имѣя въ сознаниі простое представленіе, о видѣнномъ приборѣ, а для изобрѣтателя Эдиссона идея фонографа первоначально возникла въ сознаниі, какъ новое представленіе, которому не соответствовало ни одно пережитое раньше ощущеніе, но которое образовалось путемъ сочетанія многихъ различныхъ образовъ, оставшихся отъ дѣйствительно пережитыхъ фактовъ.

Такимъ образомъ, творческая дѣятельность сознанія вытекаетъ изъ той громадной измѣнчивости, которая свойственна психической системѣ, изъ той измѣнчивости, которая создаетъ между элементами психики все новыя и новыя связи, помимо прежнихъ (пусть читатель припомнитъ, что говорилось о взаимныхъ соединеніяхъ нервныхъ элементовъ при посредствѣ разрастающихся вѣтвистыхъ отростковъ—дендритовъ).

Итакъ, ни ожиданіе, ни постановка цѣлей, ни творческая дѣятельность сознанія не стоятъ въ противорѣчій со всеобщимъ закономъ причинности:—«будущее» сознанія существуетъ лишь въ его настоящемъ и основано на прошломъ. Но всѣ эти особенности сознанія дѣлаютъ изъ развитой психики наиболѣе совершенное орудіе приспособленія, какое извѣстно намъ въ природѣ.

У высшихъ организмовъ наблюдается, такимъ образомъ, совершенно особая, своеобразная форма жизненной борьбы: сознательно ставятся и достигаются цѣли. Такая сознательная борьба за существованіе, дѣятельность, направленная къ достиженію заранѣе сознанныхъ цѣлей, называется трудомъ.

Въ процессѣ развитія человѣчества значеніе сознанія для сохраненія жизни людей постоянно возрастаетъ, борьба ихъ за существованіе все въ большей степени становится сознательно психической, все болѣе превращается въ процессъ труда.

D. Остается четвертая существенная особенность сознательной психики: та группа ея явленій, которая называется познаніемъ.—Познавательная дѣятельность состоитъ въ томъ, что сознаніе отмѣчаетъ связь различныхъ фактовъ сознанія, устанавливаетъ ихъ различія и сходства.—Въ сознаніи существуетъ образъ *a*, затѣхъ онъ смѣняется образомъ *b*. Процессъ перехода отъ одного къ другому порождаетъ особый, новый фактъ сознанія—представленіе о различіи образовъ; различіе является меньшимъ или большимъ, смотря по энергій процесса перехода.

Благодаря этому количественному характеру различій, возникаетъ еще новая группа фактовъ сознанія: переходъ отъ большаго раз-

личія къ меньшему создаетъ представленіе о сходствѣ. Сходство есть различіе между большимъ и малымъ различіемъ при переходѣ отъ перваго ко второму.

Различіе и сходство суть первичныя формы отношеній между фактами. Отношенія болѣе сложныя слагаются изъ различій и сходствъ. — Повторяющіяся (или точнѣе — сходныя) сочетанія сходствъ и различій порождаютъ понятіе о постоянной связи явленій.

Процессъ установленія различій и сходствъ, вообще всякихъ отношеній между фактами, взятый въ его цѣломъ, составляетъ познаніе.

Сознаніе вообще, какъ мы знаемъ, имѣетъ своимъ содержаніемъ процессъ различенія. Первоначально, это — различіе фактовъ со стороны ихъ вреда или пользы, что и выражается въ чувствѣ удовольствія и страданія. — Далѣе, въ высшей степени полезнымъ для психики приспособленіемъ явилось различіе степеней, количества удовольствія и страданія, — т. е. различіе характера переходовъ отъ одного факта удовольствія или страданія къ другому. Положимъ, въ извѣстный моментъ въ сознаніи возникло удовольствіе, равное по интенсивности тремъ единицамъ общей мѣры подобныхъ явленій, а въ послѣдующій моментъ — удовольствіе, равное 5 такимъ единицамъ; процессъ перехода между этими двумя послѣдовательными фактами сознанія, ихъ различіе выразится + 2-мя единицами. Если сознаніе отмѣчаетъ это различіе, т. е. если въ памяти остается представленіе о немъ, то передъ нами уже зародышъ познанія ¹⁾. Зародышъ этотъ развивается и усложняется съ развитіемъ сознанія вообще.

Итакъ, познавательная дѣятельность есть дѣятельность сознанія, обращенная на процессы перехода отъ одного факта сознанія къ другому — различіе этихъ переходовъ. А такъ какъ въ сознаніи смѣна явленій совершается всегда послѣдовательно, и рѣзкихъ границъ нѣтъ, то и процессы перехода не могутъ быть рѣзко отдѣлены отъ тѣхъ фактовъ сознанія, которые ими связываются. — Такимъ образомъ, познаніе не представляетъ существенныхъ отличій отъ всей остальной сознательно-психической дѣятельности.

Этими замѣчаніями мы здѣсь и ограничимся, такъ какъ не излагаемъ ни психологіи вообще, ни того ея отдѣла, которому слѣдуетъ носить имя «теоріи познанія».

Громадная роль познанія въ процессѣ труда и въ развитіи чело-вѣчества извѣстна каждому.

¹⁾ Такимъ образомъ уже самое элементарное познаніе предполагаетъ память.

ЧАСТЬ IV. ОБЩЕСТВО.

§ 1.

Область биологии и область социологии.

Одна изъ формъ жизни—человѣческое общество—особенно сильно выдѣляется среди живой природы своимъ необыкновенно высокимъ развитіемъ, своей громадной сложностью.

А. Человѣческое общество—не единственное въ природѣ. Многія изъ высшихъ животныхъ группируются въ такія сочетанія, которыя вполне заслуживаютъ названія «общества». Впрочемъ, въ употребленіи этого термина до сихъ поръ существуетъ нѣкоторая неопредѣленность, а потому надо начать съ выясненія того понятія, которое за нимъ скрывается.

Прежде всего, очевидно, что общество есть группа организмовъ, связанныхъ нѣкоторой совмѣстностью въ борьбѣ за существованіе. Но это не все. Собраніе полиповъ или сифонофоровъ, которыхъ соединяетъ въ борьбѣ за существованіе непрерывность ихъ тканей, ни одинъ биологъ не назоветъ обществомъ; для подобныхъ формъ применяется терминъ «колонія». Муравейникъ, улей, стадо—вотъ типы настоящихъ обществъ. Здѣсь связь между особями устанавливается при посредствѣ фактовъ сознанія. Муравей долженъ видѣть или представлять себѣ другихъ муравьевъ, долженъ различать ихъ среди природы, чтобы помогать имъ въ борьбѣ за жизнь.

Для полной точности, надо еще прибавить, что особи—элементы общества—принадлежать всегда къ одному зоологическому виду. Связь между человѣкомъ и домашнимъ животнымъ, между муравьемъ и тлею, которую онъ кормитъ и эксплуатируетъ, не принято называть общественной связью, хотя она также устанавливается при посредствѣ сознанія. Подобнымъ образомъ не считались членами общества у древнихъ рабы, которыхъ вообще не признавали за людей въ

настоящемъ смыслѣ этого слова.—Однако, отношенія человѣка и животнаго нерѣдко принимаютъ вполне социальный характеръ: взаимная помощь, сочувствіе... Тутъ, можетъ быть, есть непослѣдовательность въ употребленіи словъ; но она твердо укоренилась въ обычной рѣчи; и, несомнѣнно, эта непослѣдовательность находитъ достаточное оправданіе въ различномъ происхожденіи связи между особями одного вида и связями между особями различныхъ видовъ.

Итакъ, обществомъ называется группа организмовъ одного вида, связанныхъ при посредствѣ сознанія извѣстной совмѣстностью въ борьбѣ за жизнь.

Граница между обществомъ и особью не такъ рѣзка и опредѣлена, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Если насѣдка вмѣстѣ съ цыплятами составляетъ уже семью, а стало быть общество, то можно ли употребить этотъ терминъ тогда, когда цыплята еще не вылупились изъ яицъ, но уже близки къ тому? По меньшей мѣрѣ, затруднительно; а разница между первымъ и вторымъ случаемъ далеко не существенная.

Вопросъ о происхожденіи общественной связи въ животномъ царствѣ представляетъ большой интересъ, но далеко еще не можетъ считаться вполне выясненнымъ. Несомнѣнно, что общество является формою приспособленія вида къ вѣншимъ условіямъ борьбы за жизнь. Несомнѣнно, что его развитіе должно было совершаться въ результатъ измѣнчивости и подбора, включая сюда и внутренній психическій подборъ — этого могущественнаго производнаго дѣателя развитія.

Наиболѣе вѣроятно, что первичной формой связи между особями, устанавливающейся при посредствѣ сознанія, была та, которая проявляется въ отыскиваніи самцомъ самки или наоборотъ. Такія отношенія существуютъ уже у нѣкоторыхъ гермафродитныхъ животныхъ, и тамъ въ иныхъ случаяхъ дѣло должно сводиться къ отыскиванію особи того же вида вообще.—Далѣе, трудно сказать, въ какомъ отношеніи къ этой первичной психологической связи находится та, которая соединяетъ самку съ ея дѣтенышами; происходитъ ли вторая форма отъ первой, — и въ такомъ случаѣ, какимъ путемъ; имѣютъ ли та и другая общее начало въ какихъ-нибудь неизвѣстныхъ намъ біологическихъ фактахъ, — все это вопросы, которые, можетъ быть, будутъ разрѣшены въ близкомъ будущемъ. Повидимому, наиболѣе достовѣрно только то воззрѣніе, по которому именно связь матери съ дѣтми есть исходная точка развитія извѣстныхъ намъ животныхъ обществъ.

Какъ ни любопытны различные вопросы, касающіеся социальной зоологіи—въ нашу задачу не входитъ ихъ разсмотрѣніе. По отношенію къ обществамъ животныхъ законы причинности никогда не подвергались сомнѣнію въ такой мѣрѣ, какъ по отношенію къ человѣческому обществу. Это послѣднее наиболѣе сложно, наиболѣе загадочно, и въ то же время наиболѣе близко для насъ.

В. Соціальную зоологію обыкновенно не отдѣляютъ отъ біологіи въ особую науку; и это вполне естественно, такъ какъ общество есть одна изъ формъ жизни.—Тѣмъ не менѣе тѣсная связь социальной зоологіи съ общей психологіей до нѣкоторой степени обособляетъ ее среди различныхъ отраслей науки о жизни; и мы склонны думать, что въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи социальная зоологія вырабатываетъ свои особые методы, достаточно своеобразные, чтобы доставить ей вполне самостоятельное мѣсто въ ряду наукъ.

Казалось бы, вполне логичнымъ ученіе о человѣческомъ обществѣ сдѣлать одною изъ главъ социальной зоологіи.—На дѣлѣ, какъ извѣстно, это совсѣмъ не такъ; и никто даже не покушается отнимать у социологіи права на званіе самостоятельной, отдѣльной науки. Причина, конечно, та, что наука о человѣческомъ обществѣ обладаетъ собственными, только ей принадлежащими методами.

Прежде всего, въ социологіи отношеніе познающаго и познаваемого, субъекта и объекта познанія совершенно иное, чѣмъ въ другихъ областяхъ біологіи вообще, и социальной зоологіи въ частности. Одно дѣло для человѣка изучать нѣчто лежащее внѣ его—амебу, цвѣтокъ, семейство обезьянъ; и другое дѣло изучать такую форму жизни, по отношенію къ которой самъ человѣкъ является однимъ изъ ея элементовъ. Изъ этого различія вытекаютъ два слѣдствія.

Во-первыхъ, въ социальной наукѣ не приходится употреблять нѣкоторыхъ приемовъ общей біологіи. Напр., къ растеніямъ и животнымъ вполне примѣнимъ опытный методъ, т. е. ихъ можно ставить въ наиболѣе простыя и заранее опредѣленные условія, чтобы облегчить отысканіе связи причинъ и слѣдствій; съ обществомъ такъ поступать обыкновенно нельзя, и надо довольствоваться наблюденіемъ фактовъ во всей ихъ обычной сложности и неопредѣленности.

Во-вторыхъ, въ социологіи за то оказываются примѣнимы иные методы, которыми вся остальная біологія почти не пользуется. Если познающій субъектъ является однимъ изъ многихъ элементовъ общественнаго цѣлаго—а элементы эти въ значительной степени сходны между собою,—если въ то же время онъ находится въ живой связи

съ другими элементами,—то онъ можетъ примѣнять знаніе себя самого и своихъ отношеній къ окружающимъ, чтобы дѣлать выводы относительно другихъ людей и общества въ его цѣломъ. На этомъ основывается такъ называемый абстрактный методъ общественной науки; хорошій примѣръ его представляютъ изслѣдованія Смита и особенно Рикардо. Въмѣсто того, чтобы создавать возможно болѣе простыя и опредѣленные условія, какъ дѣлаетъ физикъ или біологъ въ своихъ опытахъ, социологъ воображаетъ ихъ, и затѣмъ посредствомъ логическихъ операций старается выяснить, какъ въ этихъ условіяхъ люди должны поступать одинъ по отношенію къ другому; далѣе, путемъ введенія въ расчеты новыхъ, усложняющихъ условій, совершается переходъ къ болѣе частнымъ и конкретнымъ социальнымъ фактамъ. Такимъ образомъ Смитъ и Рикардо пытались объяснить основныя общественныя отношенія, выводя ихъ логическимъ путемъ изъ одной основной психологической посылки—стремленія каждаго человѣка къ личной экономической выгодѣ. Очевидно, для подобнаго изслѣдованія необходимо ясно представлять себѣ данное стремленіе въ общей системѣ человѣческаго сознанія,—надо отвлечь, абстрагировать, мысленно выдѣлить эту сторону психики; при такой операциіи социологъ можетъ основываться главнымъ образомъ на знаніи самого себя и на наблюденіи психическихъ сходствъ и различій между собой и другими ¹⁾).

Далѣе, важная причина, побуждающая выдѣлять социологію изъ біологіи, какъ особую науку, заключается въ томъ, что человѣческое общество, въ силу причинъ, которыя будутъ далѣе выяснены, есть область развитія по преимуществу; здѣсь процессъ развитія идетъ гораздо быстрѣе и дальше, чѣмъ гдѣ-либо; здѣсь онъ создаетъ приспособленія совершенно своеобразныя, почти не имѣющія себѣ подобныхъ въ остальномъ біологическомъ мірѣ. Сюда относятся такъ называемыя идеологическія формы—право, нравственность, философія, наука... Изученіе подобныхъ формъ требуетъ опять-таки особыхъ пріемовъ, приводитъ къ новымъ различіямъ въ методахъ науки о жизни вообще, и науки о человѣческомъ обществѣ въ частности. Подробнѣе говорить объ этихъ различіяхъ сейчасъ не приходится,—но ихъ неизбѣжность очевидна сама собою.

Итакъ, хотя область социальной науки вся лежитъ въ предѣлахъ области науки о жизни вообще, хотя человѣческое общество есть

¹⁾ Абстрактный методъ въ социологіи долженъ примѣняться, по весьма понятнымъ соображеніямъ, съ большою осторожностью;—и въ біологіи онъ можетъ иногда примѣняться, хотя очень мало,—это именно тамъ, гдѣ приходится имѣть дѣло съ психическими явленіями у животныхъ, особенно у социальныхъ.

только одна изъ сложныхъ формъ жизни, — тѣмъ не менѣе существуютъ вполне достаточныя основанія, чтобы сдѣлать социологию отдѣльной, самостоятельной наукой. Этого требуетъ удобство изученія, особенности методовъ.

Но значить ли это, что общіе законы біологическаго міра теряютъ свое значеніе для явленій міра социальнаго? Ни въ какомъ случаѣ.

При переходѣ отъ неорганизованной природы къ природѣ живой оказывается, что всеобщій законъ причинности остается въ полной силѣ. Тѣмъ болѣе при переходѣ отъ царства жизни въ его цѣломъ къ одной изъ его частныхъ областей естественно заранѣе признать, что общіе законы жизни, тѣ формы, которыя въ ея сферѣ принимаетъ законъ причинности, должны сохранить свое значеніе. Разумѣется, вслѣдствіе многихъ важныхъ особенностей социальныхъ явленій, біологическіе законы могутъ здѣсь выразиться въ новыхъ, болѣе частныхъ формулировкахъ; но они должны остаться тѣми же законами, и не могутъ сдѣлаться иными, подобно тому какъ законъ подбора не можетъ выйти изъ предѣловъ общей причинности, стать чѣмъ-либо инымъ, нежели ея частной, біологической формулой.

С. Своеобразность явленій человѣческой социальной жизни такъ значительна, что не приходится для общества людей довольствоваться тѣмъ опредѣленіемъ, которое годится для социальныхъ группъ другихъ животныхъ.

Человѣческое общество представляетъ изъ себя, какъ было сказано, группу организмовъ зоологическаго вида *Homo sapiens*, связанныхъ между собою, при посредствѣ сознанія, нѣкоторой совмѣстностью въ борьбѣ за жизнь. Мы уже раньше отмѣтили, что борьба эта является процессомъ труда по преимуществу. Воздѣйствіе общества въ его цѣломъ на внѣшнюю природу разлагается на рядъ дѣйствій отдѣльныхъ людей. Дѣйствія эти въ громадномъ большинствѣ сознательно-цѣлесообразны, т. е. направлены къ заранѣе сознаннымъ особымъ цѣлямъ, и слѣдовательно являются актами труда. Всѣ тѣ процессы человѣческой борьбы за существованіе, которые не охватываются понятіемъ «труда», въ то же время не-социальны, не обладаютъ характеромъ общественности. Такъ напр., человѣкъ дышетъ, нагрѣваетъ своимъ тѣломъ окружающую среду, рефлективно отвѣчаетъ на неожиданное впечатлѣніе... Во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ не замѣчается никакой совмѣстности между людьми; нетрудовые акты борьбы съ внѣшней природой всегда ин-

дивидуальны ¹⁾.—Но и трудъ не всегда социаленъ; въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ цѣль его—непосредственная ассимиляція внѣшней энергіи самимъ трудящимся, человѣкъ выступаетъ не какъ элементъ общества, а какъ отдѣльная особь (процессы прямого индивидуальнаго потребленія).

Итакъ, социальная связь между людьми сводится къ совмѣстности труда, къ сотрудничеству. Слово это мы будемъ употреблять въ самомъ широкомъ значеніи, включающимъ всѣ случаи, когда трудъ прямо или косвенно направленъ къ сохраненію жизни группы людей, а не одной только трудящейся особи; такимъ образомъ, въ понятіе сотрудничества входятъ всѣ отношенія людей при процессѣ общественно-полезнаго труда, взятаго во всей его исторической преемственности.

Сознательно-цѣлесообразный, трудовой характеръ общественной борьбы за существованіе есть основная причина того замѣчательно быстрого,—непрерывнаго прогресса, благодаря которому общество вполне справедливо считать областью развитія по преимуществу...

Въ обществахъ животныхъ совмѣстность борьбы за существованіе устанавливается при посредствѣ опредѣленныхъ психическихъ фактовъ—представленія объ одной особи въ сознаніи другой. Тоже самое относится и къ сотрудничеству людей. На основаніи нѣкоторыхъ фактовъ можетъ показаться, что здѣсь это не всегда такъ. Когда вестъ-индскій негръ приготовляетъ сахаръ, который будетъ потребленъ англійскимъ ткачемъ, а англійскій ткачъ дѣлаетъ ситецъ для вестъ-индскаго негра,—то ни одинъ изъ нихъ не думаетъ о другомъ, не представляетъ себѣ этого другого. Но негръ ясно представляетъ себѣ плантатора, который его кормитъ, и который возьметъ себѣ продуктъ его труда; плантаторъ имѣетъ въ виду торговца,

¹⁾ Съ перваго взгляда это положеніе можетъ показаться неточнымъ. У людей существуетъ безотчетное, безсознательное стремленіе къ обществу себѣ подобныхъ—остатокъ древнихъ стадныхъ инстинктовъ. Дѣйствія, въ которыхъ проявляется это стремленіе, повидимому, хотя и социальны, но не сознательно-цѣлесообразны, не представляютъ актовъ труда. Бываютъ и иные, такъ называемыя, инстинктивныя дѣйствія, съ социальнымъ характеромъ. Однако, не говоря уже о томъ, какъ сравнительно ничтожно значеніе подобныхъ фактовъ въ борьбѣ общества за его жизнь, надо помнить еще и слѣдующее: сознательно-цѣлесообразный характеръ можетъ принадлежать человѣческимъ поступкамъ въ различной, большей или меньшей степени. Если въ силу такъ называемаго инстинктивнаго побужденія, я иду къ другимъ людямъ, то мои дѣйствія имѣютъ цѣль, которая только не слишкомъ отчетливо формулирована въ сознаніи; у меня уже заранѣе есть представленіе о томъ, чего я ищу, воспоминаніе объ удовольствіи, которое мнѣ доставляетъ пребываніе вмѣстѣ съ другими людьми; слѣдовательно, мои поступки не лишены „трудоваго“ характера.

которому онъ продастъ сахаръ, и т. д.; наконецъ, англійскій мелочной торговецъ покупаетъ себѣ сахаръ потому, что въ его представленіи существуетъ покупатель—рабочій. Такимъ образомъ всякая, даже самая косвенная общественная связь осуществляется при посредствѣ представленія одной особи о другихъ.

Теперь мы можемъ дать такое опредѣленіе человѣческаго общества: это—совокупность людей, связанныхъ сотрудничествомъ.

Сотрудничество есть основное содержаніе общественности; его границы—въ то же время границы общества.

Связь сотрудничества существуетъ въ различныхъ формахъ и въ различныхъ степеняхъ, и можетъ быть то болѣе тѣсной то болѣе слабой; ея границы очень измѣнчивы и зачастую неопредѣленны. Обыкновенно, связи болѣе тѣсныя, которыя свойственны сравнительно узкимъ группамъ, существуютъ на ряду съ болѣе слабыми, которыя связываютъ эти группы въ обширныя общественныя сочетанія. Если брать примѣры изъ прошлаго, то стоитъ вспомнить о тѣхъ необыкновенно прочныхъ отношеніяхъ взаимной помощи и поддержки, которыя существовали внутри каждой родовой группы и охватывали почти всю жизнь ея членовъ, на ряду со связями гораздо менѣе прочными, иногда временными, которыя выражались, напримѣръ, въ обмѣнѣ между родами. Въ современномъ мірѣ, степени сотрудничества еще болѣе различны, если сравнить, положимъ, взаимныя отношенія двухъ членовъ одной семьи, двухъ рабочихъ одной мастерской,—и взаимныя отношенія русскаго крестьянина съ калифорнійскимъ золотоискателемъ.

Итакъ, понятіе сотрудничества,—а слѣдовательно, и понятіе общества,—является относительнымъ. Въ этомъ для насъ нѣтъ ничего удивительнаго. Но статическое мышленіе плохо мирится съ такимъ положеніемъ. Отсюда рядъ попытокъ дать «строгое» опредѣленіе общества, т. е. найти для него рѣзкія границы. Одни склонны думать, что «естественныя» границы общества—это границы національности, т. е. одинаковаго языка; по мнѣнію другихъ, общество совпадаетъ съ областью одинаковыхъ правовыхъ нормъ.—Очевидно, если языкъ и право возникли не изъ ничего, то они могли быть только результатомъ общественной связи, а не ея причиною, и не основнымъ ея содержаніемъ. Назначеніе общества, сущность соціальной дѣятельности состоитъ отнюдь не во взаимномъ пониманіи людей и не въ примѣненіи правовыхъ нормъ, а въ сохраненіи жизни общества путемъ коллективнаго труда.

§ 2.

Формы общественныя.

Исходной точкой социологическаго познанія должна являться общественная форма, т. е. отдѣльность и единство существованія общественныхъ процессовъ. Но такое опредѣленіе даетъ само по себѣ слишкомъ мало, и требуетъ обстоятельнаго выясненія.

Нельзя ли признать общественной формой отдѣльную личность—члена общества? Конечно, нѣтъ. Выдѣляя въ своемъ сознаніи одного человѣка отъ другихъ людей, мы получаемъ индивидуальный жизненный процессъ, а не общественный. По той же причинѣ не приходится считать формой общественной и частную психическую форму отдѣльной особи.

Такъ какъ основное содержаніе общественныхъ процессовъ заключается въ совмѣстной трудовой борьбѣ группы людей за ихъ существованіе, то общественныя формы не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ формами общественнаго труда.

Но что такое общественный трудъ? Существуетъ ли онъ отдѣльно отъ индивидуальнаго труда особей? Нѣтъ, онъ складывается изъ трудовыхъ дѣйствій отдѣльныхъ людей, и не заключаетъ въ себѣ иныхъ элементовъ.

Трудовые дѣйствія особи—это опредѣленные измѣненія въ ходѣ ея психическихъ процессовъ, частные моменты существованія ея психическихъ формъ. Такимъ образомъ формы трудовыхъ дѣйствій особи относятся къ ея психическимъ формамъ.—Отсюда какъ-будто вытекаетъ уже отвергнутое нами положеніе: формы общественныя—это формы психическія.

Чтобы выбраться изъ отвлеченностей, остановимся на какомъ-нибудь конкретномъ примѣрѣ общественнаго труда.—Группа охотниковъ дикарей нападаетъ на большого звѣря. Это несомнѣнно—фактъ совмѣстной, сознательно-цѣлесообразной дѣятельности людей въ борьбѣ съ внѣшней природой. Разсматривая одинъ изъ элементовъ даннаго общественнаго факта—дѣйствія отдѣльнаго охотника, мы находимъ въ организмѣ охотника довольно сложную психическую форму, къ единству которой въ данномъ случаѣ относятся его поступки. Она охватываетъ кромѣ ряда недоступныхъ прямому наблюденію процессовъ безсознательно-психическихъ и ряда сложныхъ реакцій внѣшняго движенія, еще множество фактовъ сознанія; это совокупность извѣстныхъ привычекъ, сложившихся двигательныхъ приспособленій, соотвѣствующихъ борьбѣ съ звѣремъ, и нераз-

дѣльно связанныхъ съ тѣмъ приспособленіемъ психики, которое выражается въ представленіи о товарищахъ, соединенномъ съ желаніемъ помочь имъ, и чувствомъ симпатіи, и т. д... Само собою разумѣется, что въ короткихъ словахъ невозможно сколько-нибудь точно описать всю систему психическихъ приспособленій, всю психическую форму, которая объединяетъ данный рядъ фактовъ содѣйствія одного человѣка другимъ людямъ.

Такая же психическая форма, или весьма сходная съ ней существуетъ и у другой особи, и у третьей... Только въ силу этого взаимнаго соотвѣтствія психическихъ формъ отдѣльных личностей становится возможнымъ фактъ сотрудничества въ томъ видѣ, въ какомъ его осуществляютъ наши дикари-охотники.—Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ форма общественная сводится къ совокупности сходныхъ между собою и находящихся во взаимной связи психическихъ формъ, принадлежащихъ различнымъ особямъ.—Но не всякая общественная форма именно такова, и другой примѣръ разъяснить намъ это.

Въ числѣ дикарей-охотниковъ есть одинъ, который руководитъ дѣйствіями другихъ, который указываетъ каждому его мѣсто и объясняетъ каждому его роль—словомъ, предводитель группы. Его товарищи выполняютъ его приказанія, повинуются ему. Все это также охватывается понятіемъ сотрудничества—совмѣстности въ процессѣ труда, устанавливающейся при посредствѣ сознанія; и здѣсь общественная форма разлагается на отдѣльныя психическія формы, существующія въ различныхъ особяхъ. Но есть и разница съ первымъ случаемъ; это неоднократность индивидуальныхъ психическихъ формъ, ихъ значительное несходство. Дѣйствія предводителя и факты сознанія, съ ними связанные, при одинаковыхъ внѣшнихъ условіяхъ не таковы, какъ дѣйствія и факты сознанія его подчиненныхъ; неодинаковы, слѣдовательно, и тѣ основныя, прямо не наблюдаемые, непрерывныя психическія процессы, которыми порождаются при определенныхъ условіяхъ эти дѣйствія и факты сознанія.—При всемъ своемъ различіи, трудовыя дѣйствія предводителя и его подчиненныхъ направлены къ одному—къ сохраненію всей общественной группы.

Итакъ, отдѣльной общественной формѣ могутъ соотвѣтствовать или соединенныя сходныя, или соединенныя несходныя процессы труда. Въ обоихъ случаяхъ трудъ обладаетъ общественнымъ характеромъ. Въ обоихъ случаяхъ общественная форма разлагается на формы индивидуально-психическія, которыя являются приспособле-

ніями для поддержанія не только индивидуальной жизни, но и жизни общественнаго цѣлаго.

Понятіе общественной формы немислимо безъ ея разложенія на формы индивидуально-психическія. Только при условіи этого разложенія общественный процессъ является сознанію, какъ нѣчто непрерывное, единое въ своемъ существованіи.—Непрерывность общественного процесса—это вовсе не то же самое, что непрерывность общественнаго труда, какъ ее обыкновенно понимаютъ.—Всѣ члены данной родовой группы легли спать: общественный трудъ на время прекратился. Но значить ли это, что въ общественномъ процессѣ произошелъ перерывъ? Если бы это было такъ, то общественный процессъ нельзя было бы познавать съ точки зрѣнія причинности; каждое его возобновленіе пришлось бы разсматривать, какъ непостижимое явленіе—воскресеніе мертваго,—или, по крайней мѣрѣ, какъ совершенно новый процессъ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ «исторія общества» превращается въ абсурдъ.—Совсѣмъ другое получается, если разсматривать общественный процессъ, какъ систему непрерывныхъ индивидуально-психическихъ процессовъ, въ ходѣ которыхъ при опредѣленныхъ условіяхъ наступаютъ опредѣленные кризисы—акты общественно-полезнаго труда. Тогда существованіе общественного процесса оказывается дѣйствительно непрерывнымъ: работаютъ люди, или не работаютъ, тѣ внутренніе процессы психики, для которыхъ акты общественнаго труда являются лишь частными моментами, не прекращаются; общество живетъ.

Итакъ, общественная форма—это отдѣльность и непрерывность существованія частныхъ общественныхъ процессовъ. Такова ея цѣльность. При анализѣ она выступаетъ, какъ система взаимно-связанныхъ индивидуально-психическихъ формъ, которыя соотвѣтствуютъ общественно-полезнымъ трудовымъ дѣйствіямъ особи.

Всякая отдѣльность относительна, и потому общественныя формы могутъ быть различныхъ степеней сложности: одна и та же форма разлагается на рядъ болѣе простыхъ (также общественныхъ формъ), и входитъ, какъ элементъ, въ составъ болѣе сложной. Наиболѣе сложная общественная форма—это та, которая характеризуетъ собою весь общественный процессъ въ его цѣломъ; она не вполне совпадаетъ съ той формою жизни, которую обыкновенно называютъ обществомъ: подъ обществомъ понимаютъ совокупность людей, связанныхъ въ общественномъ процессѣ; но въ отдѣльной особи не всякая психическая форма проявляется въ общественно-полезныхъ дѣйствіяхъ, не всякая входитъ, какъ элементъ, въ форму общественную. Слѣдовательно, наиболѣе широкая общественная форма—это

«общество» минусъ его не-общественные индивидуально-психическіе элементы.

Не такъ легко указать простѣйшую общественную форму; можетъ быть, она соответствуетъ простому, почти бессознательному стремленію особей держаться поближе другъ къ другу.

Вообще, социальныя формы изслѣдованы недостаточно, ихъ анализъ не только не полонъ, но едва начать; а ихъ сложность и разнообразіе дѣлаютъ его особенно труднымъ.

Чтобы сдѣлать представленіе объ общественныхъ формахъ болѣе яснымъ и конкретнымъ, мы сначала постараемся какъ можно отчетливѣе отграничить ихъ область отъ необщественныхъ формъ жизни людей, а затѣмъ приведу нѣсколько наиболѣе разнородныхъ частныхъ примѣровъ изъ первой области.

А. Всѣ не—трудовыя формы затратъ энергіи, направленныхъ къ сохраненію жизни членовъ общества, въ то же время, какъ мы указывали, не—социальны. Если для нихъ полезно взаимно сознать и чувствовать присутствіе другъ друга, то ихъ склонность и стремленіе находится въ подобныхъ случаяхъ вмѣстѣ—можно отнести къ содержанію нѣкоторой общественной формы.

Далѣе, не социальными являются всѣ чисто-потребительныя отношенія человѣка къ внѣшней природѣ, даже и трудовыя. Въ прямомъ потребленіи, въ непосредственной ассимиляціи внѣшней энергіи отдѣльными людьми не заключается никакой совмѣстности. Потребленіе всецѣло принадлежитъ физиологіи, наукѣ о жизненныхъ процессахъ отдѣльнаго организма.

Существуютъ, повидимому, исключенія—въ видѣ ряда случаевъ, когда можно говорить какъ-будто о социальномъ потребленіи: совмѣстное принятіе пищи, собутыльничество, театр... Но здѣсь не надо смѣшивать самое потребленіе съ тѣми условіями, при которыхъ оно происходитъ. Люди находятся вмѣстѣ—это одна сторона факта. Но если я ѣмъ, пью, наслаждаюсь игрой, — то все это имѣетъ прямой цѣлью только мою особу, и отнюдь не направлено къ сохраненію жизни другихъ людей. Взятое въ отдѣльности, потребленіе стоитъ внѣ социальной связи; оно не соединяетъ, а раздѣляетъ людей.

И здѣсь, конечно, явленія разграничиваются не слишкомъ рѣзко. Во-первыхъ, и во всякомъ социальномъ дѣйствіи есть болѣе слабый или болѣе сильный элементъ индивидуализма; во-вторыхъ, можно представить себѣ и потребленіе съ социальнымъ оттѣнкомъ—напр., когда человѣкъ пьетъ, чтобы доставить удовольствіе хозяину.

Изучая общество, приходится имѣть въ виду и не-трудовые

жизненные акты, и формы потребления — но только въ качествѣ особыхъ внѣсоціальныхъ условій, при которыхъ развертывается общественный процессъ. Эти чисто индивидуальныя жизненныя проявленія слѣдуетъ признавать внѣшними для общественнаго процесса. Косвенно — соціальный характеръ они имѣютъ только въ томъ смыслѣ, что реально они неотдѣлимы отъ общественнаго процесса, что они служатъ для сохраненія особей, а это послѣднее является средствомъ сохраненія общества.

Наконецъ, нѣкоторые изъ процессовъ, наблюдаемыхъ въ жизни общества, обладаютъ характеромъ, прямо противоположнымъ общественности, представляютъ изъ себя процессы взаимной борьбы людей и ихъ группъ. Но поскольку существуютъ такіе процессы, постольку мы должны признавать, что наше изслѣдованіе имѣетъ дѣло не съ единымъ, нераздѣльнымъ общественнымъ цѣлымъ, а съ нѣсколькими отдѣльными, индивидуальными и соціальными, формами жизни.

Такимъ образомъ явленія внутренней борьбы въ обществѣ подчеркиваютъ относительный характеръ понятія общественности. Совмѣстность въ борьбѣ за жизнь идетъ рядомъ не только съ раздѣльностью, но и съ прямымъ противорѣчіемъ.

Явленія внутренней борьбы играютъ громадную роль въ развитіи нѣкоторыхъ сторонъ общественнаго процесса, подобно тому какъ борьба съ внѣшней природой лежитъ въ основѣ всякаго вообще развитія формъ жизни ¹⁾.

В. Переходимъ къ классификаціи общественныхъ формъ.

Прежде всего приходится разграничить единый общественный процессъ на двѣ обширныя области.

Въ опредѣленномъ рядѣ трудовыхъ дѣйствій общественный чловѣкъ прямо измѣняетъ свои внѣшнія отношенія, непосредственно борется съ природой внѣ-соціальной за свое существованіе. Та часть общественнаго процесса, которая соотвѣтствуетъ этимъ трудовымъ дѣйствіямъ, называется областью матеріальной культуры или, какъ мы предпочли бы ее обозначить, процессомъ техническимъ.

Вся остальная часть общественнаго процесса, проявленія которой не направлены къ непосредственному измѣненію внѣ-соціальной природы, составляетъ область духовной культуры, или процесса идеологическаго.

¹⁾ Явленія внутренней борьбы наблюдаются въ большинствѣ обществъ прошлаго и настоящаго. Только группы первобытно-родовыя были, можетъ быть, свободны отъ этихъ явленій.

Относительный и условный характер этого разграниченія при реальномъ единствѣ общественнаго процесса понятенъ самъ собою: различіе между «непосредственнымъ» и «посредственнымъ» подразумеваетъ всѣ переходныя ступени. Такъ напр., процессы познавательные относятся, вообще говоря, къ области идеологической; однако они имѣютъ свою «технику»; и ученый, для пользы науки помѣщающій инфузорию подъ микроскопъ, несомнѣнно совершаетъ непосредственное измѣненіе внѣ-соціальной природы, направленное къ сохраненію общества...

Пограничную область процессовъ техническаго и идеологическаго принято выдѣлять, какъ особую, центральную группу общественныхъ явленій. Это та часть общественнаго процесса, которая соответствуетъ взаимнымъ отношеніямъ людей въ непосредственной трудовой борьбѣ съ внѣшней для общества природой.

Дѣло въ томъ, что общественный процессъ складывается изъ процессовъ индивидуально-психическихъ, общественный трудъ—изъ трудовыхъ дѣйствій особей. Общественный характеръ труда означаетъ опредѣленную связь между дѣйствіями особей, опредѣленные взаимныя отношенія особей въ ихъ трудовой борьбѣ съ природой. Это—связь совмѣстности, это—отношенія сотрудничества.—Выдѣляя въ своемъ познаніи ту часть общественнаго процесса, которая соответствуетъ взаимнымъ отношеніямъ людей въ ихъ непосредственной борьбѣ съ природой, мы можемъ говорить объ особой группѣ явленій соціально-производственныхъ.

Если два человѣка вмѣстѣ поднимаютъ камень, то ихъ отношеніе къ камню принадлежитъ сферѣ «техники», а ихъ отношеніе другъ къ другу при поднятіи камня—ихъ сотрудничество—есть явленіе «соціально-производственное».—Ясно, насколько искусственно это раздѣленіе двухъ сторонъ факта. Однако, онѣ даже изучаются въ различныхъ областяхъ соціологіи (исторія матеріальной культуры и экономическая наука).

Чтобы стало понятнымъ, на какомъ основаніи производится такое разграниченіе, мы возьмемъ тотъ же примѣръ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Два работника таскаютъ тяжелые камни для постройки дома, причемъ каждый несетъ свой камень въ одиночку. Затѣмъ они начинаютъ таскать вдвоемъ одинъ камень, что для нихъ выгодно. Сложилось новое психическое приспособленіе; къ какой области его слѣдуетъ отнести? Главное, наиболѣе рѣзкое и бросающееся въ глаза измѣненіе произошло во взаимныхъ отношеніяхъ двухъ людей, стало быть въ сферѣ соціально-производственной; гораздо менѣе замѣтное измѣненіе произошло въ тѣхъ психическихъ процессахъ,

которыми опредѣляется отношеніе работающаго человѣка къ камню, — которые принадлежатъ области технической.

Наоборотъ, если каждый работникъ начинаетъ носить камни на спинѣ, тогда какъ прежде онъ ихъ носилъ въ рукахъ, то здѣсь приспособленіе относится къ области чисто технической, а взаимныя отношенія работниковъ остаются прежнія (сотрудничество въ постройкѣ дома).

Итакъ, мы пришли къ раздѣленію общественныхъ формъ на три основныя группы.

Во-первыхъ, формы техническія — отдѣльность и единство тѣхъ общественныхъ процессовъ, которые въ своемъ теченіи включаютъ трудовыя дѣйствія, направленные къ непосредственному измѣненію внѣшней для общества природы.

Во-вторыхъ, формы социальнo-производственныя или формы сотрудничества. Ихъ существованіе обнаруживается въ тѣхъ взаимныхъ отношеніяхъ, въ которыя становятся люди при процессахъ труда, непосредственно измѣняющаго внѣшнюю природу.

Въ-третьихъ, формы идеологическія. До сихъ поръ мы ихъ опредѣляли отрицательнымъ способомъ: не техническія и не социальнo-производственныя. Попробуемъ опредѣлить ихъ иначе. Въ сферѣ техники и въ сферѣ специально-производственной человѣкъ, очевидно, приспособляется къ непосредственной борьбѣ съ внѣшней природой. Формы идеологическія суть также формы приспособленія. Къ чему же приспособляется общественный человѣкъ въ сферѣ идеологій? Отвѣтъ возможенъ только одинъ: къ наличнымъ техническимъ и социальнo-производственнымъ отношеніямъ. Слѣдовательно, общественныя формы идеологій — это формы приспособленія общества къ его существующимъ внутреннимъ отношеніямъ въ области техники и сотрудничества ¹⁾.

Въ заключеніе напомнимъ, что отдѣльный общественный процессъ, которому соответствуетъ общественная форма, складывается изъ ряда индивидуальнo-психическихъ непрерывныхъ процессовъ, и что акты общественно-полезнаго труда являются лишь частными, хотя и наиболѣе существенными моментами въ теченіи этихъ процессовъ.

¹⁾ Пока мы перечислимъ основныя группы идеологическихъ формъ. Во-1-хъ), формы распределенія.

Во-2-хъ), формы взаимнаго пониманія людей (рѣчь и познанія).

Въ 3-хъ), формы взаимнаго контроля людей, или нормативныя (право, нравственность...).